

Модель возможного мира и ее философские и лингвистические основы
Семенова Вероника Георгиевна
кандидат филологических наук, ст. преподаватель
Таганрогский государственный педагогический институт, Таганрог, Россия
E-mail: veronikasemenova@mail.ru

«Что бесспорно, то мертво», - это выражение древних в первую очередь относится к научной истине, которая только затем и рождается в спорах, чтобы тут же быть подвергнутой сомнению и тем самым дать толчок новому движению мысли. Движение же, точнее развитие, - основная форма существования мысли – представляет собой такой процесс, в каждый момент которого развивающееся явление одновременно равно и не равно самому себе, то есть содержит в себе противоречие, антиномию. Сказанное вполне можно отнести к проблеме семантики возможных миров, исследованием которой занимались Д. Льюис, Р. Монтегю, М. Крессвелл, У. Куайн, С. Крипке, Я. Хинтиikka, Э. Сааринен, М. Тули, П. ван Инваген, Л. Линский, В.В. Целищев, Р.И. Павиленис и др. Вопрос о структуре возможного мира, определения его границ сложен и многогранен, а поэтому пока еще можно наметить лишь самые общие его контуры.

Понятие возможного мира чаще всего интерпретируется как “возможное состояние дел или возможный ход событий” [1]. Оно тесно связано с понятием «модель». Модель возможного мира можно определить как сокращенное и упрощенное отображение представлений о возможном положении дел в мире. Решение этой задачи связано с использованием языка, посредством которого человек может выходить в более абстрактные сферы и строить свои представления о непосредственно наблюдаемом и ненаблюдаемом. Поскольку между реальным и возможным миром пролегает определенное расстояние (и определенное время), своего рода пограничная полоса, «вход» в возможный мир отмечен и выделен при помощи специальных языковых средств: модальных слов, наклонения, интонации и т.п. Это позволяет предположить, что модель возможного мира может быть описана не столько с помощью языка, сколько по принципу языка, что ставит семантический анализ теории возможных миров на гораздо более глубокую, чем прежде, основу. Именно взаимосвязь общефилософских онтологических категорий, таких, как человек, место и время и языковых категорий субъективности, локативности и темпоральности формирует структуру возможного мира. Поэтому совершенно очевидно, что определение границ возможных миров и принципа их организации имеет не только собственно философский аспект, но и аспект лингвистический. Недаром философ языка Дж. Катц писал, что связь философии с лингвистикой “является не случайной – в том смысле, что развитие философии науки опирается на совершенствование методологии и теории языка, а прямой и непосредственной, состоящей в том, что философские теории опираются на теорию языковых конструкций и методологию работы с ними” [2].

Возможный мир отражает некоторое ограниченное пространство мира в определенный отрезок времени, поэтому он так же, как и мир реальный, должен иметь определенную границу, временную рамку, которая бы достаточно точно локализовала события во времени. Эту пространственно-временную рамку создают дейктики. Существенно отметить, что пространственно-временные показатели выражаются не только в виде непосредственных указаний на время и пространство, но опосредованно. Речь идет о таких элементах окружения человека, которые сами по себе, как будто, не связаны со временем и пространством, но тем не менее функционально являются равноправными членами пространственно-временной классификационной системы.

Представление возможных вариантов событий зависит от точки зрения говорящего. Именно способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. В силу разнонаправленного отображения представлений о возможном положении дел в мире, зависящего от позиции говорящего субъекта, адресата, ситуации общения, да и самой описываемой знаком действительности, семантика в модели возможного мира

одновременно является субъективной и объективной. Рассмотрим следующие примеры: «Alice, viewed full-face, is strikingly beautiful, but Alice, viewed in profile, is aesthetically unremarkable»; «Mary was wiser in 1685 than she was in 1680» [3] *‘Если посмотреть на Алису в анфас, - то она поразительно красивая, но если на Алису посмотреть в профиль, то она ничем не привлекательная’; ‘В 1685 году Мери была умнее, чем в 1680’.*

Следует отметить, что семантическое содержание предикатных слов, выражающих то, что мы «думаем о мире», и ориентированных на познающего субъекта, указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего, т.е. содержит в себе аспект прагматический, включающий в качестве центральных понятия оценочности и субъективности. То, что думает об Алисе или Мери определенный носитель языка, может и не соответствовать положению вещей в действительном мире. При этом нельзя не учитывать, что, выражая сложный и подчас противоречивый смысл сразу с многих точек зрения, семантика в модели возможного мира в то же время является объективной, поскольку отображает качества именно такой действительности (пусть даже воображаемой), какую выбрал говорящий. В этом случае можно говорить о противоречивом единстве объективности и субъективности в модели возможного мира.

Проблема семантики возможных миров неотделима от проблемы идентификации объектов сквозь возможные миры. Процедура идентификации состоит в установлении тождества объекта самому себе путем сопоставления признаков, свойств, извлекаемых из предшествующего опыта, с непосредственно наблюдаемыми чертами. Однако для того, чтобы идентифицировать объекты сквозь возможные миры, необходимо их распознать в разных возможных мирах. А это представляет определенную трудность, которая объясняется, с одной стороны, максимальной изменчивостью свойств объектов при переходе от одного возможного мира к другому, а с другой – их стабильностью. Вопреки многообразной изменчивости, относительная устойчивость свойств может быть объяснена тем, что некоторые из них присущи объектам во всех возможных мирах и представляют сущность объекта, его неизменную основу. Отождествляться могут не только одновременные, но и разновременные проявления объектов. Поэтому тождество не исключает фактор времени и временное измерение объектов. Выбор в качестве точки отсчета определенного признака из числа всех, присущих объекту, обусловлен субъектом познания и целью познания действительности. Следовательно, знание динамично и фокусируется вокруг различных признаков обозначаемых объектов.

Итак, семантика в модели возможного мира как соответствующая разным представлениям и потому внутренне противоречивая сущность, обладает рядом противоположных свойств, позволяющих говорить об антиномичности как организующем принципе этой сущности. Уравновешенность в модели возможного мира противоположно направленных тенденций (объективность – субъективность; максимальная изменчивость – стабильность) определяет специфику модели возможного мира. Перечисленные условия существования объектов в возможных мирах далеко не исчерпывают всей сложности, а может быть и неисчерпаемости понятия возможного мира, однако собранные воедино, они обозначают его параметры и амплитуду «семантических колебаний».

Литература

1. В.В. Целищев. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977. С. 9.
2. Дж. Катц. Философская релевантность языковой теории // Философия языка / Ред.- сост. Дж. Р. Серл. М., 2004. С. 142.
3. P. van Inwagen. Temporal parts and identity across time. *Monist*. Jul 2000. Vol. 83. Issue 3.